

языке не было обнаружено слова *сутка* (см. *Срезн.*, III, 630, *Даль*, IV, 365, *Евг.*, IV, 423). Причиной этого грамматического изменения явилось, может быть, т.н. давление системы, в рамках которой подавляющему большинству имен существительных, обозначающих счетные предметы, свойственны формы единственного числа, противопоставляющиеся формам множественного числа.

§ 20. Фонетические, грамматические и лексические инновации, возникающие в славянских говорах РНР в результате контакта с румынским языком и славяно-румынского двуязычия, представляют, на наш взгляд, большой теоретический интерес: на протяжении своей истории многие славянские языки соприкасались с романскими языками, в частности, с румынским. Изучение процессов, имевших место в результате романско- и румыно-славянских языковых взаимоотношений, могли бы лучше быть исследованы при учете явлений, происходящих в настоящее время там, где говорящие на славянских языках соприкасаются с говорящими на румынском языке.

Коснемся некоторых явлений, характерных для славянских говоров РНР, которые можно было бы объяснить влиянием румынского языка. (В отдельных случаях такое влияние не вызывает никаких сомнений).

В сербохорватских говорах Банатской области, принадлежащих к шумадийско-войводинскому диалекту, наблюдаются частные случаи факультативных интонационных вариантов одного и того же слова, что является, по-видимому, признаком ослабления фонологической (смыслоразличительной) роли интонаций под влиянием румынского языка, поскольку сербы, проживающие в городе Тимишоара, где отметил это явление П. Ивич (Ivić, *Die serbokr. Dialekte*, 180), и в других населенных пунктах являются, большей частью, билингвами. Отсутствие интонационных различий в говоре Карашовы можно было бы объяснить таким же образом, несмотря на то, что данное явление вообще характерно для призрено-тимокского диалекта (см. Ivić, *ПСЯ*, 325).

В своих наблюдениях над чешскими говорами Банатской области Г. Чипля (см. § 8 примеч. 1) отметил случаи полудолгих гласных. Такое явление ведет, конечно, к ослаблению смыслоразличительной функции гласных, отличающихся по долготе-краткости. И это связано, хотя бы частично, с тем, что носители данных говоров живут в условиях румынского языкового окружения.

И в морфологической структуре славянских говоров РНР наблюдаются отдельные явления, которые, по всем вероятностям, являются результатом влияния румынской языковой среды. В этом смысле можно было бы привести хотя такой пример: в украинском говоре нашей страны мы записали слово *копыта́*, являющееся именем существительным женского рода (Рона-де-Сус), ср. укр. *копито́* русск. *копы́то*, польск. *kopyto*, чешск. *kopyto*, схр. *kopito*, болг. *копѣто* (ср. рода), но рум. *copită* (ж. рода).

Привлекают внимание инновации, происходящие в синтаксической структуре славянских говоров РНР.

Например, в болгарском говоре села Попешть-Леордень, как и в румынском языке, глагол *съм* и краткие формы личных местоимений